

стоположеніи. Нѣсколько холмистая, она окружена огромнымъ казеяннымъ лѣсомъ—Засѣкою. Усадьба съ вѣковыми липовыми аллеями, посаженными прадѣломъ, княземъ Волхонскимъ, съ четыремя прудами и вѣчно запущеннымъ садомъ, обнесена валомъ, въ замкѣ которого, при вѣзѣ на проспектъ, стоятъ двѣ круглые кирпичныя башни. Въ нихъ, по разсказамъ старухи, оставшейся отъ Яснополянской дворни, во времена дѣда князя Волхонского, генерала временъ Павла I, всегда дежуриль часовой.

По свидѣтельству покойной тетушки Льва Николаевича, П. И. Юшковой, въ дѣствѣ онъ былъ очень шаловливъ, а отрокомъ отличался странностью, а иногда и неожиданностью поступковъ, живостью характера и прекраснымъ сердцемъ.

Покойница рассказывала мнѣ, что однажды въ пути на почтовыхъ лошадяхъ, когда всѣ уже усѣлись въ экипажъ, стали искать Льва Николаевича, который былъ тогда мальчикомъ. Въ это время голова его высунулась въ окнѣ станціи со словами: «ma tante! я сейчасъ выхожу!». Половина головы его была обстрижена. Фантазія обстричь голову во время короткой остановки повидимому не объяснялась никакою надобностью.

Моя покойная матушка рассказывала мнѣ, что, описывая свою первую любовь въ произведеніи «Дѣство», онъ умолчалъ о томъ, какъ изъ ревности столкнулся съ балкона предметъ своей любви, которая и была моя матушка девяти лѣтъ отъ роду. Онъ сдѣлалъ это за то, что она разговаривала не съ нимъ, а съ другимъ.

Самъ Левъ Николаевичъ рассказывалъ при мнѣ въ се-